

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S1605788024050042

«Мы рождены, чтоб сказку сделать былью...»: усадебный мир в романе Г. Ш. Яхиной «Дети мои»

© 2024 г. О. А. Богданова

Доктор филологических наук,
ведущий научный сотрудник
Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН,
Россия, 121069, Москва, ул. Поварская, д. 25а
ORCID ID: 0000-0001-7004-498X
olgabogda@yandex.ru

Резюме. На материале знакового романа Г.Ш. Яхиной «Дети мои» (2018) в статье рассмотрены модификации «усадебного топоса» в русской литературе XX – начала XXI в., среди которых традиционные для отечественной классики коннотации (усадебный мир как *рай на земле* и *территория любви и семьи*; усадьба как *гетеротопия*; усадьба как *универсалия*), качества, возникшие в литературе советского периода (усадебный мир как *убежище*; бывшая владельческая усадьба как *общественное достояние*; усадьба как *Китеж*; усадьба как *локус теургического творчества*), а также впервые выявленные вариации (усадебный мир как *Ноев Ковчег*; усадьба как *евразийский феномен*; усадьба как «Уход в Лес»). Особое внимание уделено российской усадьбе XX в. как *евразийскому феномену*, появление которого в романе обусловлено ролью реки Волги, связующей судьбы нескольких народов: русских, немцев, татар, «киргизов» и др., – что открывает возможности для понимания усадьбы как элемента самостоятельной «евразийской цивилизации». Научная новизна – и в рассмотрении таких аспектов *универсальности* «усадебного топоса», как интернациональный характер хутора Гримм, мировая всеобщность феномена усадьбы в XX в., обращение к фольклору (немецким сказкам с их архетипической глубиной, равно присущей народам Востока и Запада). В связи с последним аспектом выявлены семантико-семиотические пласты, восходящие к биографии и творчеству И.В. Гёте, а также В.Я. Проппа. Важная часть исследования – усадьба как *локус творчества* в актуальном для XX в. *теургическом ключе*, что позволяет глубже понять природу социалистического реализма в СССР. Наконец, на материале русской и немецкой литературы XIX–XXI вв. начата разработка инновационной темы *усадебный мир и лес*. Используются тезаурусный, контекстуальный, мифопоэтический и биографический методы. Выводы статьи получены с учетом уже существующих научно-исследовательских результатов по освещаемым вопросам.

Ключевые слова: литература XX–XXI вв., Г.Ш. Яхина, осмысление советского периода, «усадебный топос» и его модификации, усадьба как евразийский феномен, усадьба как убежище, тюрьма и Ноев ковчег, усадьба как локус творчества, усадьба как универсалия, В.Я. Пропп и «морфология сказки», усадьба и лес.

Для цитирования: Богданова О.А. «Мы рождены, чтоб сказку сделать былью...»: усадебный мир в романе Г.Ш. Яхиной «Дети мои» // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2024. Т. 83. № 5. С. 53–63. DOI: 10.31857/S1605788024050042

“We Were Born to Make a Fairy Tale Come True...”: the Estate World in G. Sh. Yakhina’s Novel “My Children”

© 2024 Olga A. Bogdanova

Doct. Sci. (Philol.),
Leading Researcher at the A.M. Gorky Institute of World Literature

of the Russian Academy of Sciences,
25a Povarskaya Str., Moscow, 121069, Russia
ORCID ID: 0000-0001-7004-498X
olgabogda@yandex.ru

Abstract. Based on the material of G.Sh. Yakhina's landmark novel "My Children" (2018), the article considers modifications of the "estatetopos" in the Russian literature of the 20th – early 21st century, among which are the connotations traditional for Russian classics (the estate as a *paradise on earth* and *the territory of love and family*; the estate as a *heterotopia*; the estate as a *universal*), qualities that arose in the literature of the Soviet period (the estate as a *refuge*; the former owner's estate as a *public domain*; the estate as *Kitezh*; the estate as a *locus of theurgic creativity*), as well as the first identified variations (the estate as *Noah's Ark*; the estate as a *Eurasian phenomenon*; the estate as "Going into the Forest"). Special attention is paid to the Russian estate of the 20th century as a *Eurasian phenomenon*, the appearance of which in the novel is due to the role of the river Volga, which connects the destinies of several peoples: Russians, Germans, Tatars, "Kirghiz", etc.; this opens up opportunities for understanding the estate as an element of an independent "Eurasian civilization". Scientific novelty is also in considering such aspects of the universality of the "estatetopos" as the international character of the Grimm farm, the global universality of the estate phenomenon in the 20th century and an appeal to folklore (German fairy tales with their archetypal depth, equally inherent to the peoples of the East and West). In connection with the latter aspect, semantic and semiotic layers have been identified, dating back to the biography and work of I.V. Goethe, V.Ya. Propp. An important part of the study is the estate as a *locus of creativity in a theurgic way* relevant to the 20th century, which allows a deeper understanding of the nature of socialist realism in the USSR. Finally, based on the material of Russian and German literature of the 19th–21st centuries, the development of the innovative theme of *the estate and the forest* has begun. Thesaurus, contextual, mythopoetic and biographical methods were used. The conclusions of the article are obtained taking into account the already existing research results on the issues covered.

Key words: literature of the 20th–21st centuries, G.Sh. Yakhina, understanding of the Soviet period, "estate-topos" and its modifications, estate as a *Eurasian phenomenon*, estate as a *refuge*, *prison* and *Noah's Ark*, estate as a *locus of creativity*, estate as a *universal*, V.Ya. Propp and "morphology of fairy tales", *estate and forest*.

For citation: Bogdanova, O.A. "My rozhdeny, chtob skazku sdelat' bylyu..." : usadebnyj mir v romane G.Sh. Yakhinoy "Deti moi" ["We Were Born to Make a Fairy Tale Come True...": the Estate World in G.Sh. Yakhina's Novel "My Children"]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2024, Vol. 83, No. 5, pp. 53–63. (In Russ.) DOI: 10.31857/S1605788024050042

В заглавии статьи вынесены первые строки опубликованного в СССР в 1923 г. «Марша авиаторов», во многом ставшие девизом раннесоветского времени. Эпоха 1920–1930-х годов – предмет художественного осмысления в романе Г.Ш. Яхиной «Дети мои» (2018), написанного в русле магического реализма, где реальность смешана с фантастикой и сказочные мотивы пронизывают все повествование.

В многочисленных интервью сама писательница указала на то, что, несмотря на выраженный национальный колорит – речь в романе идет о трагической истории поволжских немцев в XX в., – на первый план выдвинуты «общечеловеческие вопросы» (см.: [1]): рассказывая о российском немце, текст одновременно должен говорить «просто о человеке» (см.: [2]). Таким образом, Яхина задает масштабность своей художественной картины: «Мне хотелось поговорить о более общих вещах для нашей страны, <...> рассказать о советской сказке, которая <...> сбылась не так, как хотелось» (см.: [3]). При этом она отметила,

что, работая над романом, «начитала» гораздо больше того, что непосредственно отразилось в ее тексте (см.: [3]).

В самом деле, основная тема романа – «самостояние маленького человека в споре с Большой Историей» [4] – притягивает не только российско-советскую, но и европейскую словесность первой половины XX в., прежде всего немецкую. Писательница сознательно стремилась создать «многослойное полотно: чтобы текст работал на разных уровнях» (см.: [5]), погружив своих героев в широкий многовековой культурный контекст: «Культура, в которой мы вырастаем, становится нашими очками – именно через них мы смотрим на мир. Шульмейстер Бах вырос в немецкой культуре, и потому он наблюдает вокруг реалии раннего советского времени – образование пионерии, раскулачивание, коллективизацию, – а видит в происходящем сюжеты германских сказок, во всем узнает знакомые архетипы и мифологические образы <...>» (см.: [5]).

Справедливую мысль о «культурной предопределенности личности» (см.: [5]) можно распространить и на самого автора. Роман «Дети мои» — произведение русской литературы, в советское время получившей более широкий диапазон. Мы имеем в виду включение в ее состав этнически нерусских писателей, сохранявших ментальность своих народов в единстве многонациональной страны, скрепленном русской культурой, — таких как Чингиз Айтматов, Фазиль Искандер, Отар Чиладзе, Ион Друцэ и др. С одной стороны, Гузель Яхина — татарка, заявившая о своих национально-культурных корнях в предыдущем романе «Зулейха открывает глаза» (2015); с другой — волжанка, воспринимающая Волгу как главную артерию своей судьбы и все народы, живущие вдоль великой реки (в том числе поволжских немцев, татар и русских), — как близкие и родственные¹; наконец, она писательница общероссийского масштаба, виртуозно владеющая русским языком, на котором и пишет свои произведения, буквально пронизанные токами русской литературы XIX–XX вв. Важнейшая силовая линия, проходящая через все произведение Яхиной, — усадебная топка и мифология. Отнюдь не случайно, что сюжетно-композиционным центром «Детей моих», посвященных судьбе небольшого поволжского народа в раннесоветскую эпоху, стала уединенная владельческая усадьба — хутор Гримм, — на территории которой разворачивается практически все романное действие. Попробуем осмыслить этот факт.

В первую очередь отметим, что, вопреки устоявшемуся мнению об окончательной гибели русской усадьбы в огне революций и Гражданской войны 1917–1922 гг., «усадебный топос» под прессом катастрофических событий начала XX в. и затем в условиях СССР не был уничтожен в своих основах, а перешел в новые, непривычные формы: усадьбу-музей, усадьбу-дачу, усадьбу — художественную коммуну, усадьбу-экономию, усадьбу-лабораторию, усадьбу-колонию, усадьбу-школу, усадьбу — санаторий или больницу, усадьбу — дом отдыха или дом творчества, город-сад и т.д., — оставаясь активно-творческой средой, репродуцирующей базовые черты российской ментальности. В разных формах он присутствует в произведениях писателей советского периода — как облаканных властью, так и оппозиционных (Ф.В. Гладкова, А.П. Платонова, А.Н. Толстого, Б.Л. Пастернака, К.Г. Паустовского,

И.А. Новикова, М.М. Пришвина, Г.И. Серебряковой, А.И. Солженицына, С.Д. Довлатова и мн. др.), — доказывая, что литература СССР, со всеми ее трагическими особенностями, — органическая часть русской культуры.

В романе «Дети мои» можно выявить сразу несколько модификаций «усадебного топоса», которые распадаются на три группы. В первую входят традиционные для русской классики XIX — начала XX в. коннотации: усадьба как *рай на земле* и *территория любви (семьи)*; усадьба как *гетеротопия*; усадьба как *универсалия*. Вторая группа объединяет в себе качества, появившиеся в литературе советского периода: усадьба как *убежище*; бывшая владельческая усадьба как *общественное достояние*; усадьба как *Китеж*; усадьба как *локус высокого трагического творчества* (подробнее см.: [6]; [7]). Третья группа модификаций «усадебного топоса» в романе Яхиной впечатляет своей новизной и оригинальностью: усадьба как *Ноев Ковчег*; усадьба как *евразийский феномен*; *теургический вектор усадьбы*; усадьба как *«Уход в Лес»*. Таким образом, в литературоведческом усадебоведении открываются инновационные темы исследований, остро актуальные в современную эпоху. В настоящей статье мы коснемся лишь некоторых из них, в первую очередь включенных в третью группу модификаций «усадебного топоса» в романе Яхиной, а также взаимосвязанных с ними вариаций.

Итак, уединенный хутор Гримм стоит в дубовом лесу, немного поодаль от кромки волжского берега, противоположного тому, где находится поселок-колония Гнаденталь. Его границей становятся края большой поляны, а не искусственная ограда. Строения: старый, основательный, могучий жилой дом, амбары, навесы, хлев, ледник, колодезный сруб, — а также огород и большой яблоневый сад с тщательно побеленными стволами, составляют своеобразный симбиоз отшельнического скита, «лесного дома» из немецких волшебных сказок и русской мелкопоместной дворянской усадьбы. Сказочный колорит, восходящий к фольклорному сборнику братьев Я. и В. Гримм (1812–1815), преобладает уже при первом посещении хутора поселковым учителем Якобом Бахом: кухня со старинной утварью, в гостиной ломящийся от яств огромный стол, за которым хозяин — настоящий «Ослингий великан из древней *саксонской* легенды»² [8, с. 36]. При этом ест Удо Гримм *по-татарски* (руками, без приборов), на столе у него греется *русский*

¹ Ср.: «...весь этот роман можно назвать объяснением в любви к Волге. Потому что Волга — это полноценный персонаж книги» (см.: [1]).

² Здесь и далее в цитатах курсив мой. — О.Б.

самовар, а у всех работников в усадьбе — «суровые монгольские лица» (см.: [8, с. 37–40]). Так сразу же задается единство самой что ни на есть западной Европы (немецкой) и самой настоящей дальней Азии (казахской, киргизской) на русской земле, в усадьбе, которая тем самым становится *национальным фронтиром*³ и одновременно *евразийским феноменом*, соединяющим в своем пространстве евро-азиатские потоки.

Особенно ярко это проявится в дальнейшем течении романа, в родственном усадебном детстве немецкой девочки Анче и «киргизского» мальчика Васьки. При этом важно, что оба они — россияне, дети соединенных Волгой российских народов. Так, например, у немцев-колонистов «с детства воспитано в теле чувство большой реки» как «бессловесная любовь к родине» [8, с. 185–186], которой давно уже стала не далекая Германия, а приютившая их Россия. Со своей стороны, беспризорный мальчик Васька, в частых странствиях всегда державшийся берегов Волги как своей защитницы и кормилицы, одинаково бегло говорит на языках всех волжских народов: русском, башкирском, татарском, калмыцком, — а на хуторе Гримм быстро впитывает в себя язык высокой немецкой поэзии. Многонациональное российское единство также проявляется во внешнем облике усадебного «отшельника» Якоба Баха: этнический немец, он там «бороду русскую отпустил, косицу киргизскую» [8, с. 172].

Указанная черта «усадебного топоса» в романе «Дети мои» не является отличительным признаком советской эпохи: на имперских окраинах России (в Сибири, в Средней Азии, на дальнем Востоке, на Кавказе и т.д.) русские усадьбы задолго до революций XX в. существовали в условиях смешанной национальной среды (в частности, на границе башкирских степей в Оренбургской и Уфимской губерниях развивалась «усадебная культура» Аксаковых, Тимашевых и др.). Однако этот аспект русской (российской) литературно-усадебной топики не то что не изучен — в настоящей статье мы *впервые* обращаем на него внимание.

Новаторство романа «Дети мои» состоит в том, что *национальный фронт* представлен здесь в особом ракурсе — как *евразийский феномен*, что получило актуальность именно в советский период с его усилившейся миграционной активностью

³ О русской усадьбе как *социальном фронтире* см.: [10]. Характерно, что в советскую эпоху социальный контраст в изображении усадебной жизни теряет свою актуальность. В усадьбе трудятся сами хозяева, что показано уже в романе Б.Л. Пастернака «Доктор Живаго» (1945–1955) (см.: [7]).

между европейской и азиатской частями страны. Кроме того, именно с 1920-х годов, во многом как результат осознания советского опыта, в русской эмиграции развивается философия евразийства, видящая своеобразие России в сочетании европейской и азиатской историко-культурных парадигм (Г.В. Вернадский, П.Н. Савицкий, Н.С. Трубецкой, Г.В. Флоровский и др.). Таким образом, открывается возможность для понимания русской усадьбы как элемента самостоятельной «евразийской цивилизации» (см.: [9]).

В социальном аспекте в советскую эпоху произошла трансформация *владельческой усадьбы* в *общественное достояние*. У Яхиной этот переход показан как обветшание, одряхление старого хутора еще при жизни там Баха, после отъезда его любимых детей. Кроме того, изолированная от возможностей «большого мира» [8, с. 224] частная усадьба становится своего рода *тюрьмой* сначала для Кларты, спрятанной отцом, как царевна в сказочной башне в лесу, а затем для ее дочери Анче, разлученной со сверстниками и не умеющей говорить чуть ли не до 7 лет. В то же время усадьба выступает *убежищем* от опасностей «безумного большого мира» [8, с. 289] в те страшные годы, когда и Гнаденталь, и окрестные селения с городами были разорены войнами, голодом, непродуманными общественными экспериментами. Здесь же всегда приветливо светились окна с занавесками, на подоконниках темнели старинные подсвечники, а в комнатах — чугунные подставки под лучины, манили стулья с резными спинками и соломенные кресла, теплела кафельная печь, красовались вязаные саше на стенах и успокаивал своей твердостью земляной пол, аккуратно посыпанный песком (см.: [8, с. 86]). Стабильность и защищенность обусловили возможность «детского рая» Анче и Васьки в течение нескольких лет; однако по мере их взросления *убежище* все больше напоминало *тюрьму*, и при первой возможности подростки добровольно покинули хутор ради широкой, погруженной в общественные интересы жизни в Покровске⁴.

Усадьба в романе Яхиной символически исчерпала свой владельческий ресурс и стала хиреть вместе с оставшимся в одиночестве хозяином, часто думавшим: «Добрый спутник, товарищ и друг — старый хутор — как будет он жить без Баха?» [8, с. 450]. И решение пришло: усадьба переоборудуется в детский дом, вновь становится нужной, ухоженной, наполняется живыми голосами. Здесь отражен общий процесс реформатирования в

⁴ До 1931 г. так назывался г. Энгельс в Саратовской обл.

первые советские десятилетия бывших владельческих усадеб в общественные учреждения: школы, музеи, колонии, больницы, санатории и т.д. Несмотря на новые функции, они сохраняли лучшие черты «усадебной культуры» и передавали их последующим поколениям, как это случилось с прибывшим к хутору Гримм маленьким беспризорником Васькой, а затем, по-видимому, и с обитателями учрежденного в усадьбе детского дома.

Культурная же значимость усадьбы в раннесоветские годы намного превышает социальную. Во-первых, в романе усадьба неоднократно сравнивается с кораблем: «...весь этот хутор, <...> давший защиту от бездушного и безумного *большого мира* <...> плыл кораблем — по поляне, по лесу и саду, по Волге, по миру» [8, с. 338]. А водворение 9-летнего Васьки как полноправного члена маленькой семьи окончательно превращает «уединенный хутор», до которого не долетает «прочая» жизнь, в подобие *Ноева Ковчега*: «он плыл <...> не нуждаясь более в берегах» [8, с. 397]. Как известно, библейская семантика Ноева Ковчега в том, что оттуда после Всемирного потопа вышли на берег спасенные дети обновленного человечества, призванные дать начало лучшему роду. Таким образом, усадьба, воспитавшая свободных и раскрепощенных, счастливых и гуманных, нравственных и образованных Анче и Ваську, выполнила (и в качестве детского дома продолжала выполнять) миссию по очищению и обновлению человечества, по сохранению того лучшего, что было им достигнуто.

Еще одно свойство «усадебного топоса» в романе Яхиной — *универсальность*. Вспомним, что в современной науке о литературе топосы — это «регулярно повторяющиеся в творчестве писателя и в системе культуры формулы, мифы, мотивы и другие разновидности художественного образа, имеющие особые пространственные характеристики и несущие устойчивые смысловые значения» [11, с. 15, 55]. По Э. Курциусу, «всеприсутствие в европейской литературе топосов» (см.: [12, с. 264]) свидетельствует о ее единстве. В свою очередь, «усадебный топос» русской литературы, помимо отчетливых черт «национальной аксиоматики» (см.: [13, с. 248]), является и культурной универсалией, доказательству чего посвящены компаративные исследования в рамках книжной серии «Русская усадьба в мировом контексте» (см. выпуски 2, 5, 7)⁵.

⁵ Научная книжная серия «Русская усадьба в мировом контексте» URL: <http://litusadba.imli.ru/bookseries> (дата обращения: 02.02.2024).

Универсальность усадебной топики в «Детях моих» выражена в интернациональном характере хутора Гримм, о чем говорилось выше. Знаково и название, которое присваивает Бах устроеному в его усадьбе детскому дому — «имени Третьего Интернационала» [8, с. 452], чем маркируется мировая всеобщность феномена усадьбы в XX в. Третий Интернационал, или Коминтерн (1919–1943) отличался от первых двух отказом от национальных предпочтений во время исторических потрясений (войн, революций, стихийных бедствий), чем и вызвал в конце 1930-х годов репрессии в свой адрес со стороны советских властей, изменивших политический курс с мировой революции на национально ориентированное построение социализма в одной стране. С этим поворотом во многом связана и трагическая судьба немецкого коммуниста-утописта Гофмана, мечтавшего с помощью «замены сказочного фонда» [8, с. 195] переформатировать сознание трудящихся масс в Гнадентале, сгладив его национально-фольклорное своеобразие. Именно Гофману принадлежит наименование детского дома, данное Бахом в память о погибшем «ученике».

В связи с обращением к фольклору возникает и более глубокое понимание универсальности «усадебного топоса» в романе Яхиной: ведь пронизывающая все описания хутора сказочная образность восходит к «бродячим» сюжетам, мотивам и функциям, о которых писали знаменитые собиратели и исследователи народных сказок братья Гримм, А.Н. Афанасьев, А.Н. Веселовский, В.Я. Пропп и др. Так, отношение к сказкам самих «великих братьев», на творчество которых в первую очередь опирается современная российская писательница, «по сути космополитическое», «как к продукту в основе своей интернациональному: не случайно в названии, которое они дали своему изданию, отсутствует слово “немецкие”» [14, с. 1030]. В XIX в. сказки братьев Гримм органично вошли в русскую литературу благодаря переводами переложениям В.А. Жуковско-го, А.С. Пушкина и др., а также оглядке на них в сборнике «Народные русские сказки» Афанасьева (1855–1863).

Интерес к жанру сказки на рубеже XVIII–XIX вв. у И.В. Гёте, Ф. Шиллера, Новалиса и др. (все они входят в круг чтения гнадентальского учителя Баха) был связан со становлением в немецкой культуре понятия «народ» и желанием постичь «незамутненное сознание нации», уходящее корнями в универсальный, общий для всех этносов земли прамиф (см.: [14, с. 1005–1009]).

С этим пониманием связано рождение у Гёте в 1810–1820-е годы концепции «мировой литературы» как исторического единства художественного процесса в странах Востока и Запада. Неслучайно сам Гёте, помимо основанных на немецком фольклоре баллад и драм, написал и «Западно-восточный диван» (1819), и «Китайско-немецкие времена года и дня» (1827). Вообще творчество великого немецкого поэта имеет первостепенное значение для Яхиной — потомственной преподавательницы немецкого языка и литературы: сам выбор имени главной героини первого романа писательницы «Зулейха открывает глаза», возможно, восходит к гётевской Зулейке из «Западно-восточного дивана»; в «Детях моих» упоминания, аллюзии и реминисценции из Гёте пронизывают весь текст. С томиком его стихов Якоб Бах практически не расстается. Поэтому неудивительно, что странная любовь скромного шульмейстера к прогулкам в открытом поле во время грозы находит объяснение в гётевской «Песне странника в бурю» (1772) из лирики периода «Бури и натиска», а также в его мемуарах «Из моей жизни. Поэзия и правда» (1810–1831) (см.: [15, с. 439]). Еще на заре романа с Кларой Бах читает ей на хуторе трагические баллады Гёте и Шиллера, «выросшие из жестоких сказок и мрачных легенд» [8, с. 62] и будто предопределившие горестную судьбу девушки. На полях томика Гёте они ведут тайную от отца Клары любовную переписку. Потеряв Клару и став отцом Анче, затем Васьки, герой не расстается с потрепанной книжкой ни в саду, ни в лесу, ни на берегу реки, вечерами вместе со своими детьми слушает любимые стихи на граммофоне, а перед арестом, обустроив усадьбу для детского дома, ставит на специально выстроенную книжную полку тот самый томик Гёте...

Однако в наибольшей степени сказочный универсализм связывается с «усадебным топосом» раннесоветского времени благодаря фигуре замечательного ученого-фольклориста В.Я. Проппа, в романе Яхиной не упомянутого, но с очевидностью подразумеваемого (вспомним ее слова о том, что не все «начитанное» отразилось в тексте). Перечислим ряд совпадений. Начнем с того, что Пропп по происхождению поволжский немец, как и герой романа, а также практически его ровесник — человек советской эпохи. Он автор знаменитых книг «Морфология сказки» (1928) и «Исторические корни волшебной сказки» (1946), в незнании которых трудно заподозрить писательницу, много страниц посвятившую анализу сказочного творчества своих героев Баха и Гофмана. В первой из названных книг Пропп впервые исследовал структуру волшебных сказок

на материале сборника Афанасьева, придя к выводу об однотипности их строения в фольклоре народов мира. Во второй монографии автор стремился «выяснить источники волшебных сказок в исторической действительности» [16, с. 4], в итоге найдя их в обрядово-мифологическом прошлом народов и придя к выводу о том, что «сказка интернациональна, и мотивы ее также в значительной степени интернациональны» [16, с. 21]. Изученное Проппом «всемирное сходство фольклорных сюжетов» [16, с. 316] легко прочитывается в романе «Дети мои»: уход героя в лес (имеется в виду эпизод волшебного блуждания Баха по дубовой роще вокруг хутора Гримм, когда он думает отказаться от уроков Кларе), пройденное там испытание и пережитая «временная смерть» (Бах чуть не утонул среди волшебно плавающих дупел, веток, пней, белок и куниц, троп, валунов и т.п.) дают ему право на вступление в брак с дочерью «царя», заточившего свое дитя в «лесной башне». Таким образом, Бах проходит обряд инициации, женится на Кларе благодаря устранению «враждебного тестя» (Удо Гримма), наследует его имущество и сам становится «царем-магом», от которого зависит «благополучие полей и стад» [16, с. 290] окрестных жителей (вспомним о житнетворческом, теургическом потенциале сказок, сочиняемых Бахом в усадьбе).

Пропп подробно разбирает на интернациональном сказочном материале и такие присутствующие в романе «Дети мои» мотивы, как «дом в лесу» (хутор Гримм), «накрытый стол» (трапеза Удо Гримма), «рождение ребенка» (Анче, в обстоятельствах зачатия которой от коллективного отца видны следы архаического промискуитета) (см.: [16, с. 101–102]), «красавица в гробу» (тело Клары в усадебном леднике), «волшебные предметы» («томик Гёте» и «утиная перина»), «переправа» (через Волгу из усадьбы в поселок Гнаденталь и обратно) и др. (см.: [16, с. 331–333]). При этом Бах замечает, что судьбы окружающих людей во многом складываются по лекалам, прочерченным в архетипических сюжетах сказок: так, например, участь Клары предопределена в старинной немецкой сказке «Дева Малейн», в начале XIX в. литературно обработанной братьями Гримм, а в первой трети XX в. переделанной самим Бахом в «Сказание о Деве-узнице».

Но роль Проппа в романе Яхиной этим не исчерпывается. Важна и биография ученого, отец которого Якоб (тезка героя Яхиной) родился в немецкой колонии Гуссенбах (усеченное название которой повторяется в фамилии героя Яхиной), или Линево Озеро, на берегу Волги

недалеко от Саратова (параллель с вымышленным Гнаденталем Яхиной). Живя в Петербурге, в 1908 г. он купил недалеко от родного поселка землю, на которой построил усадьбу с просторным домом и большим яблоневым садом; соседи и родственники называли ее «хутор Пропп» (в «Детях моих» изображен «хутор Гримм»). Теперь большая семья каждое лето проводила в своем поместье, а после Февральской революции 1917 г. переселилась туда насовсем. Таким образом, в первое десятилетие советской власти (1917–1929) семейство Пропп проживало во владельческой усадьбе (как и Бах с Кларой на хуторе Гримм), что не было тогда уникальным случаем и предполагало «своеобразное окрестничество помещиков», лишившихся работников и слуг, при частичном сохранении «традиционного уклада жизни» (см.: [17, с. 234, 236]). «За это время Владимир Яковлевич был в отцовском имении несколько раз. В конце 1918 г. навещал больного отца, в марте 1919 г. приехал на похороны Якова Филипповича, остался здесь, работал на земле вместе со своими родственниками, устроился школьным учителем за 70 километров в деревне Голый Карамыш (Бах в романе “Дети мои” тоже школьный учитель. — *О.Б.*). <...> В 1929 г. летним отпуском прибыл с тем, чтобы уговорить мать <...> продать или сократить хозяйство» [18, с. 176–177].

Сам Пропп посвятил своей любимой поволжской усадьбе немало страниц в незаконченной автобиографической повести «Древо жизни» (1932). Привлекает внимание ряд совпадений с романом «Дети мои»: пол в жилом доме усадьбы «был <...> посыпанный песком»; автобиографический герой часто бывал «за рекой, через которую отправлялся на челноке, научившись грести одним веслом с плеча» (см.: [19, с. 65]); страшный эпизод со вспоротым животом беременной зайчихи (см.: [19, с. 69]) перекликается с кошмарным изображением нерожденных телят в романе Яхиной; круг чтения пропповского героя на хуторе аналогичен баховскому: Брентано, Тик, Новалис, Гердер, Лессинг, Шиллер, Гёте...; то же относится к ежедневному «писательскому зуду» обоих персонажей (см.: [19, с. 70–72]); вечерами на хуторах читались книги и слушался граммофон; наконец, особое значение придавалось окружающему «безмолвию» и цветущему белому яблоневому саду: герой Проппа «тонул в этих яблонях, <...> в этом цветущем царстве, корни которого уходили в пряную землю» [19, с. 143, 147], а для персонажа современного романа садовые яблоки не только «райские» плоды, но и главный символ здоровья, жизненной силы, вечной молодости, восходящий к волшебным мотивам братьев Гримм,

Шиллера и Пушкина⁶. Стволы яблонь в саду Баха всегда тщательно побелены, а уход за ними он считает одним из главных дел своей жизни: «...все было — не зря. Сказки, которые писал. Дети, которых растил. Яблоки, которые выращивал...» [8, с. 432].

В последней фразе героя Яхиной прочитывается еще одна важная функция усадьбы в России XX в. — *локус творчества*. Действительно, маленький хутор Гримм становится в романе местом упоительных вдохновений, глубинных озарений и житнетворческой силы искусства. О том, что в «деревне», в сельской усадьбе «слышнее голос лирный» и «живее творческие сны» [20, с. 27], писал еще автор «Евгения Онегина» (1823–1831). Однако большой литературный дар посещает Баха именно в годину бедствий, после слома традиционного хода усадебной жизни: пережитого ограбления и насилия, потери любимой женщины, необходимости в одиночку растить младенца, — и одновременно в момент беспощадного исторического вызова в стране и мире. Тем не менее здесь нет новаторского открытия. Аналогичная ситуация воссоздана в романе Пастернака «Доктор Живаго», обращенного к той же эпохе в истории России. В разоренной уральской усадьбе, где в конце Гражданской войны Юрий Андреевич поселяется вместе с Ларой и ее ребенком, героя поднимает на небывалую высоту волна религиозно-поэтического творчества, в результате чего Варькино «приобретает значение мирового духовно-творческого центра» [7, с. 18]. Так и усадебный «отшельник» Якоб Бах каждый вечер писал сказки, в которых воплощалась глубинная, архетипическая основа народного мирозерцания. В итоге был создан корпус литературных сказок на основе фольклорных схем, усвоенных в общении с Кларой: на «народный сюжет в наивном Кларином изложении, — простой и емкий, как глиняный горшок», Бах накладывал «свои мотивы и образы, запахи и звуки, чувства и страсти» [8, с. 224]. Сказки наполняли его силой и жизненной энергией, одновременно становясь источником для преобразования внешней, окружающей действительности. Бах стал замечать, что написанные им сказки сбываются, поэтому «писал тщательно, кропотливо подбирая слова и выискивая самые звонкие эпитеты, самые яркие метафоры». В Гнаденталь стал ездить ежедневно: «едва окончив свежий текст, мчался через Волгу — проверить всходы пшеницы и ржи, подсолнечника и кукурузы, убедиться в сочности скошенного сена, справиться о привесах молодняка в звероферме, оценить яйценоскость кур и рыбный

⁶ Ср.: «Белоснежка и семь гномов» братьев Гримм, «Сказка о мертвой царевне и семи богатырях» Пушкина, драма «Вильгельм Телль» Шиллера.

улов» [8, с. 250–251]. Мы видим, что усадьба, как locus истинного, бытийно-мифологически обусловленного творчества, становится в романе Яхиной чуть ли не сокровенным сердцем советской ойкумены, эпицентром жизненности. И снова – параллель с Пастернаком, воспевавшим «и творчество, и чудотворство» в усадьбе советского времени [21, с. 1239].

Однако сбываются не только счастливые, но и печальные сюжеты сказок Баха, передающие неизбежный трагизм человеческого существования на земле. И вообразивший себя демиургом бывший учитель, вслед за Гофманом впитавший изрядную долю самонадеянного утопизма, находит единственный «способ *исправить жизнь*: писать *о добром*» [8, с. 295], исключительно о добром. Встретив сопротивление сказочного материала («в любой сказке непременно возникали злые и мятежные силы – <...> они и запускали сюжет. В любой сказке <...> вставали в полный рост человеческие пороки и слабости, вершились преступления, случались крушения и катастрофы. В любой сказке дышала смерть» [8, с. 296]), Бах стал писать «*другое*», вымывая «*все темное, злое и негодное* – оставляя *только счастливое и радостное*» [8, с. 297]. Не в этом ли слабость пресловутого социалистического реализма (как раз в 1930-е годы теоретически сформулированного в СССР) как утопического, выхолащенного искусства с перебитыми онтологическими корнями? Так Бах самолично, из лучших побуждений обескровливал собственный творческий потенциал.

Новые «благостные» сказки Баха отвергнуты Гофманом, сотрудничество героев прекращается (раньше Гофман добавлял к сказкам Баха идеологически выдержанные концовки, подписывал их комбинированным именем селькора Гобаха и отправлял для публикации в газету «Волжский курьер»), и вскоре разражается уже реальная непоправимая катастрофа: бунт жителей Гнадентала против обременительных советских порядков, жестокая расправа с активистами и утопление Гофмана в водах Волги... «Советская сказка» «сбылась не так, как хотелось»: утопические «фальшивые» яблоки [8, с. 432] неизбежно вступали в конфликт с онтологической глубиной и трагической сущностью мироздания, явленными в древних народных сказках. В художественном мире романа «Дети мои» настоящие сказки, как и настоящие яблоки, сохранялись лишь на хуторе Гримм. И еще – в толстой книге «Сказки советских немцев», выдержавшей начиная с 1933 г. пять изданий, – в ней были перепечатаны все произведения «селькора Гобаха». Самая известная сказка сборника «Дева-узница» была поставлена в 50 театрах СССР, включая Саратов, Москву и Ленинград (см.: [8, с. 486]). Так

лучшие плоды «усадебной культуры» с забытого волжского хутора духовно питали в советские десятилетия миллионы людей по всей стране.

Рассмотрим следующий аспект «усадебного топоса» в романе Яхиной – *усадьба и лес*. Номинально эта тема присутствовала в европейской литературе еще в творчестве Шиллера («Разбойники», 1781), Гёте («Гец фон Берлихинген», 1774), Пушкина («Дубровский», 1833), А.Н. Островского («Лес», 1871), П.И. Мельникова-Печерского («В лесах», 1875) и др., однако новая философско-мировоззренческая семантика была ей придана в русской и немецкой литературе лишь в первой половине XX в., в связи с революциями и двумя мировыми войнами. Теперь главная опасность для отдельного человека стала исходить от разросшегося, плохо управляемого, непредсказуемого социума, а природа, в том числе лес, все больше воспринималась в свете эскапизма, экзистенциальной подлинности и онтологической устойчивости. Исторические катаклизмы начала XX в., тотальная индустриализация и эскалация массового общества с его обезличиванием в 1920–1930-е годы обусловили философский поворот к субъектности, архетипически укорененной в природе, фольклоре и мифе. Одним из «сюжетов спасения» личности в ее бытийных основах стал в эти десятилетия метафорический «уход в лес» (см.: [22, с. 18]).

В русской литературе родственная связь усадьбы и леса впервые заявлена в пьесе А.П. Чехова «Дядя Ваня» (1896). В 1920–1950-е годы заданное направление в той или иной степени было продолжено М.М. Пришвиным («Кашеева цепь», 1927–1954), К.Г. Паустовским («Повесть о лесах», 1948), Л.М. Леоновым («Русский лес», 1953), Б.Л. Пастернаком («Доктор Живаго», 1945–1955) и др. Аналогичное течение наблюдалось в немецкой словесности (Т. Манн «Волшебная гора», 1924; М. Хайдеггер «Проселок», 1949; Э. Юнгер «Уход в лес», 1951; и др.). Так, например, судьбоносные философские диспуты в знаменитом романе Манна наполняют залы и террасы «санаторской усадьбы» «Берггоф» [23, с. 310], затерянной посреди альпийских горных склонов, покрытых нескончаемыми хвойными и лиственными лесами.

В автобиографическом эссе Хайдеггера «Проселок» также встречаем созвучия с современным русским романом. По наблюдению А.В. Михайловского, «*немецкий лес* – то место, откуда берет начало философствование Хайдеггера», сам же философ «*прочитывает истину как <...> просвет в лесу*» [24, с. 115]. Хайдеггеровский проселок начинается от ворот дворцового сада (парка) и бежит через луга и поля к лесу, чтобы потом возвратиться

домой. «Порой в глубине леса под ударами топора падал дуб, и тогда отец <...> пускался в путь напрямик через чащобу <...>, чтобы заполучить для своей мастерской причитающийся ему штер древесины» в перерывах от «службы при башенных часах и колоколах» [25, с. 391]. Обратившись к роману «Дети мои», вспомним и старый дубовый лес вокруг хутора Grimm, и обязанность Баха трижды в день звонить на пришкольной башне в колокол. Концовка же хайдеггеровского текста, посвященная наступившей тишине, говорит о тех, «кто безвременно принесен в жертву в двух мировых войнах» [25, с. 394]. Судьба многих российских немцев, безвинно выселенных из родного Поволжья в исправительно-трудовые лагеря Казахстана, позволяет применить эти слова и к ним...

Э. Юнгер свое известное эссе-манифест «Уход в лес» — о «силе одиночки, окруженного неразличимыми массами» [26, с. 26], — написал во многом под впечатлением визита в лесную хижину Хайдеггера в горах Шварцвальда в 1948 г. Понимание «Леса» как территории спасения личности от уничтожения «пропагандой» и «насилием» [26, с. 54] переходит у Юнгера в идею «сопротивления»: «Ушедший в Лес <...> — это тот, кто, <...> сопротивляясь автоматизму, отказывается принимать его этическое следствие, то есть фатализм» [26, с. 40]. Эти слова можно отнести к Якобу Баху, герою романа «Дети мои», которого партийный начальник Гофман, первый читатель его сказок, восхищенно называл «философом» [8, с. 192]. Более того, Юнгер выдвигает в связи с призывом к «Уходу в Лес» знакомые нам по произведению Яхиной концепты «Страх» как «симптома нашего времени», «Корабля» как подвижного общего крова в условиях враждебной стихии, «мифа» как «вневременной реальности, возвращающейся в историю» (см.: [26, с. 43, 52–53]). «Корабль» и «Лес», по Юнгеру, это «временное» и «вневременное бытие» [26, с. 57]. Находим у Юнгера и архетипическую коннотацию «Леса» как места инициации, локуса «временной смерти», столь отчетливо выраженной в романе Яхиной: «...уход в Лес есть в первую очередь уход в смерть. Он ведет <...> через нее. Лес раскроется как сокровищница жизни в своей сверхъестественной полноте, если удастся пересечь эту линию» [26, с. 78]. Наконец, немецкий писатель говорит о «Лесе» как о «месте слов» [26, с. 141, 143], т.е. литературного творчества, благодаря тому, что здесь у человека происходит «встреча с собственным “Я”, <...> сущностью, которая питает все временные и индивидуальные явления» и способствует «изгнанию страха» [26, с. 124]. Убеждает и проведенная Юнгером аналогия между мироощущением ряда русских и

немцев в середине XX в.: «...они обладают схожим опытом. Уход в Лес и для русского является центральной проблемой. Как большевик он пребывает на Корабле, как русский — он в Лесу» [26, с. 62].

Оговоримся сразу, что *усадьба и лес* в литературе XX–XXI вв. новая, совсем неразработанная тема, требующая большого самостоятельного исследования, которое впереди. В настоящей статье мы лишь обозначили ее содержание и границы исходя из ретроспективы, открывшейся при осмыслении романа Яхиной «Дети мои». В самом деле, как уже было сказано, хутор Grimm расположен на безлюдном берегу Волги, где простирается «бесконечный дремучий лес» [8, с. 78], на большой поляне без ограды, по сути составляя с лесом одно целое; жители усадьбы постоянно взаимодействуют с ним, занимаясь заготовкой дров, поиском материала для изделий, бортничеством, сбором грибов и ягод и т.п. Кроме того, хутор может быть трактован как сказочно-мифологический «дом в лесу» по классификации Проппа, место инициации героя, а сам окружающий дубовый лес — как сказочный: «Тропинки, что водят кругами! Тающие деревья!» [8, с. 51]. С исторической точки зрения, усадьба находится на монастырской земле, специально приобретенной в девственном, не тронутом человеком лесу как субституте рая в средневековой Руси (подробнее см.: [27, с. 60–61]).

Завершая анализ ряда черт «усадебного топоса» в романе «Дети мои», отметим многослойную сложность этого произведения, широту охвата исторического материала, глубину культурного слоя, зачерпнутого автором. Действительно, относительно короткий советский период в тысячелетней жизни России, судьбы советских людей — представителей нескольких народов (русских, поволжских немцев, татар, казахов), усадьбы советской эпохи в их своеобразии и новой значимости — включены писательницей в протяженный контекст мировой истории и мировой литературы, а еще — непостижимой тайны бытия, лежащей в основе всех проявлений человеческой воли. Думается, в этом и есть причина захватывающего интереса и неподдельно волнующего впечатления при чтении современного романа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Славуцкий А.* Гузель Яхина: «Дети мои» — роман о молчащем поколении: интервью с Гузель Яхиной. [Электронный ресурс]: <https://dzen.ru/a/YaumBeEiXETznKFM> (дата обращения: 31.01.2024).
2. *Лащева М.* «Хотелось поговорить о молчащем поколении»: интервью с Г.Ш. Яхиной // *Огонек*. 2018. № 21. С. 36.

3. Подлыжняк Н. Гузель Яхина: «Дети мои» – разговор о советской истории и молчащем поколении. [Электронный ресурс]: <https://mnogobukv.hse.ru/news/221111443.html> (дата обращения: 31.01.2024).
4. Басинский П. Гузель Яхина выпустила новую книгу. [Электронный ресурс]: <https://rg.ru/2018/05/03/guzel-iahina-vypustila-novuiu-knigu.html> (дата обращения: 31.01.2024).
5. Кострова В. Интервью с Гузелью Яхиной. Апрель 2018 года. [Электронный ресурс]: https://book-hall.ru/event/Guzel_SHamilevna_YAkhina (дата обращения: 31.01.2024).
6. Богданова О.А. Усадьба и дача в русской литературе XIX–XXI вв.: топика, динамика, мифология: монография. М.: ИМЛИ РАН, 2019. 288 с. (Серия «Русская усадьба в мировом контексте». Вып. 1).
7. Богданова О.А. Усадьба и провинция в русской литературе XX века: семиотика, топика, динамика // *Mundo Eslavo*. № 22 (2023). С. 15–28.
8. Яхина Г.Ш. Дети мои: роман. М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2018. 493 с.
9. Основы евразийства: сб. М.: Арктогея центр, 2002. 800 с.
10. Богданова О.А. Усадьба, столица и провинция в романе Александра Потёмкина «Человек отменяется» (2007) // *Enthymema*. XXVIII. 2021. С. 51–64.
11. Булгакова А.А. Топика в литературном процессе: учебное пособие. Гродно: ГрГУ, 2008. 106 с.
12. Махов А.Е. Топос // *Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий*. М.: Intrada – Изд-во Кулагиной, 2004. С. 264–266.
13. Панченко А.М. Топика и культурная дистанция // *Историческая поэтика. Итоги и перспективы изучения*. М.: Наука, 1986. С. 236–250.
14. Дмитриева Е.Е. Великие братья и великие сказки // *Гримм Я., Гримм В. Детские и домашние сказки: в 2 кн. Кн. 2*. М.: Ладомир: Наука, 2020. С. 993–1056.
15. Гёте И.В. Из моей жизни. Поэзия и правда // *Гёте И.В. Собр. соч.: в 10 т. Т. 3*. М.: Худож. лит., 1976. С. 9–718.
16. Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. М.: Лабиринт, 2000. 336 с.
17. Полякова М.А. Усадьба и ее владельцы после 1917 года: документы и воспоминания // *Русская усадьба: сб. ОИРУ. Вып. 22 (38)*. СПб.: Коло, 2017. С. 230–240.
18. Бочкарева Л.И. Владимир Яковлевич Пропп и его любимое Линево // *Стрежень: научный ежегодник*. Волгоград, 2009. Т. 7. С. 169–185.
19. Пропп В.Я. Древо жизни. Автобиографическая повесть // *Неизвестный В.Я. Пропп / сост., предисл. А.Н. Мартыновой*. СПб.: Алетейя, 2002. С. 25–159.
20. Пушкин А.С. Евгений Онегин: роман в стихах // *Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: в 10 т. 4-е изд. Т. 5*. Л.: Наука, 1978. С. 8–185.
21. Пастернак Б.Л. Август: стихотворение // *Пастернак Б.Л. Полн. собр. поэзии и прозы в одном томе*. М.: Альфа-книга, 2017. С. 1238–1239.
22. Кнорре Е.Ю. «Ушедший в Лес» в поисках «кладовой солнца»: философия спасения Михаила Пришвина // *Вопросы философии*. 2023. № 11. С. 16–22.
23. Манн Т. Волшебная гора: роман / пер. с нем. В. Станевич, В. Куреллы. М.: АСТ, 2019. 896 с.
24. Михайловский А.В. Мартин Хайдеггер – философ на лесной тропе // *Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Философия. Филология»*. 2009. № 2 (6). С. 112–121.
25. Хайдеггер М. Проселок // *Хайдеггер М. Исток художественного творения: избр. работы разных лет / пер. с нем. А.В. Михайлова*. М.: Академический проект, 2008. С. 391–394.
26. Юнгер Э. Уход в Лес / пер. нем. А. Климентова; под общей ред. А.В. Михайловского. М.: AdMarginem, 2020. 148 с.
27. Лихачев Д.С. Поэзия садов. К семантике садово-парковых стилей. Сад как текст. Изд. 3-е. М.: Согласие: Новости, 1998. 356 с.

REFERENCES

1. Slavutskiy, A. *Guzel Iakhina: "Deti moi" – roman o molchashchem pokolenii: intervui s Guzel Iakhinoi* [Guzel Yakhina: "My Children" – a Novel about the Silent Generation: An Interview with Guzel Yakhina]. URL: <https://dzen.ru/a/YaymBeEiXETznKFM> (date of application: January 31, 2024). (In Russ.)
2. Lashcheva, M. "Khotelos' pogovorit' o molchashchem pokolenii": intervui s G.Sh. Iakhinoi ["I Wanted to Talk about the Silent Generation": Interview with G.Sh. Yakhina]. *Ogonek [The Light]*. 2018, No. 21, p. 36. (In Russ.)
3. Podlyzhniak, N. *Guzel Iakhina: "Deti moi" – razgovor o sovetskoj istorii i molchashchem pokolenii* [Guzel Yakhina: "My Children" – a Conversation about Soviet History and the Silent Generation]. URL: <https://mnogobukv.hse.ru/news/221111443.html> (date of application: January 31, 2024). (In Russ.)
4. Basinskiy, P. *Guzel Iakhina vypustila novuiu knigu* [Guzel Yakhina Has Released a New Book]. URL: <https://rg.ru/2018/05/03/guzel-iahina-vypustila-novuiu-knigu.html> (date of application: January 31, 2024). (In Russ.)
5. Kostrova, V. *Intervui s Guzeliu Iakhinoi. April 2018 goda* [Interview with Guzel Yakhina. April 2018]. URL: https://book-hall.ru/event/Guzel_SHamilevna_YAkhina (date of application: January 31, 2024). (In Russ.)
6. Bogdanova, O.A. *Usadba i dacha v russkoi literature XIX–XXI vv.: topika, dinamika, mifologiya: monografiia* [Estate and Dacha in Russian Literature of the 19th–21st Centuries: Topic, Dynamics, Mythology: Monograph]. Moscow: IWL RAS Publ., 2019. 288 p. (Series "Russian Estate in a Global Context", issue 1). (In Russ.)

7. Bogdanova, O.A. *Usadba i provintsiiia v russkoi literature XX veka: semiotika, topika, dinamika* [Estate and Province in Russian Literature of the 20th Century: Semiotics, Topic, Dynamics]. *Mundo Eslavo*. 2023, No. 22, pp. 15–28. (In Russ.)
8. Iakhina, G.Sh. *Deti moi: roman* ["My Children": a Novel]. Moscow, AST: Redaktsiia Eleny Shubinoi Publ., 2018. 493 p. (In Russ.)
9. *Osnovy evraziistva: sb.* [Fundamentals of Eurasianism: Collection of Articles and Materials]. Moscow: Arktogeia tsentr Publ., 2002. 800 p. (In Russ.)
10. Bogdanova, O.A. *Usadba, stolitsa i provintsiiia v romane Aleksandra Potemkina "Chelovek otmeniaetsia" (2007)* [Estate, Capital and Province in Alexander Potemkin's Novel "The Man is Canceled" (2007)]. *Enthymema*. 2021, XXVIII, pp. 51–64. (In Russ.)
11. Bulgakova, A.A. *Topika v literaturnom protsesse: uchebnoe posobie* [Topics in the Literary Process: A Textbook]. Grodno: GrGU Publ., 2008. 106 p. (In Russ.)
12. Makhov, A.E. *Topos. Poetika: slovar aktualnykh terminov i poniatii* [Poetics: a Dictionary of Current Terms and Concepts]. Moscow: Intrada – Izd-vo Kulaginoi Publ., 2004, pp. 264–266. (In Russ.)
13. Panchenko, A.M. *Topika i kulturnaia distantsiia* [Topic and Cultural Distance]. *Istoricheskaia poetika. Itogi i perspektivy izucheniia* [Historical Poetics. Results and Prospects of the Study]. Moscow: Nauka Publ., 1986, pp. 236–250. (In Russ.)
14. Dmitrieva, E.E. *Velikie bratia i velikie skazki* [Great Brothers and Great Fairy Tales]. *Grimm Ia., Grimm V. Detskie i domashnie skazki: v 2 kn. Kn. 2* [Grimm Ya., Grimm V. Children's and Home Fairy Tales: in 2 Books. Book 2]. Moscow: Ladomir: Nauka Publ., 2020, pp. 993–1056. (In Russ.)
15. Goete, I.W. *Iz moei zhizni. Poeziia i pravda* [From My Life. Poetry and Truth]. Goete, I.W. *Sobr. soch.: v 10 t. T. 3* [Works in 10 Vols., Vol. 3]. Moscow: Khudozh. lit. Publ., 1976, pp. 9–718. (In Russ.)
16. Propp, V.Ia. *Istoricheskie korni volshebnoi skazki* [The Historical Roots of the Fairy Tale]. Moscow: Labirint Publ., 2000. 336 p. (In Russ.)
17. Poliakova, M.A. *Usadba i ee vladeltsy posle 1917 goda: dokumenty i vospominaniia* [The Estate and Its Owners after 1917: Documents and Memoirs]. *Russkaia usadba: sb. OIRU* [Russian Estate: Collection of the Society for the Study of the Russian Estate]. Issue 22 (38). St. Petersburg: Kolo Publ., 2017, pp. 230–240. (In Russ.)
18. Bochkareva, L.I. *Vladimir Iakovlevich Propp i ego liubimoe Linevo* [Vladimir Yakovlevich Propp and his Favorite Linevo]. *Strezhen: nauchny iezhegodnik* [Strezen: Scientific Yearbook]. Volgograd, 2009, Vol. 7, pp. 169–185. (In Russ.)
19. Propp, V.Ia. *Drevo zhizni. Avtobiograficheskaia povest* [The Tree of life. An Autobiographical Novel]. *Neizvestnyi V.Ia. Propp* [Unknown V.Ya. Propp], ed. by A.N. Martynova. St. Petersburg: Aleteiia Publ., 2002, pp. 25–159. (In Russ.)
20. Pushkin, A.S. *Evgeniy Onegin: roman v stikhakh* [Eugene Onegin: a Novel in Verse]. Pushkin, A.S. *Poln. sobr. soch.: v 10 t.* [Complete Works in 10 Vols.]. Ed. 4, Vol. 5. Leningrad: Nauka Publ., 1978, pp. 8–185. (In Russ.)
21. Pasternak, B.L. *Avgust: stikhotvorenie* [August: a Poem]. Pasternak, B.L. *Poln. sobr. poeziiiprozy v odnom tome* [Complete Works in 1 Vol.]. Moscow: Alfa-kniga Publ., 2017, pp. 1238–1239. (In Russ.)
22. Knorre, E.Iu. *"Ushedshii v Les" v poiskakh "kladovoi solntsa": filiosofia spaseniia Mikhaila Prishvina* ["Gone into the Forest" in Search of the "Storeroom of the Sun": Mikhail Prishvin's Philosophy of Salvation]. *Voprosy filosofii* [Topics in the Study of Philosophy]. 2023, No. 11, pp. 16–22. (In Russ.)
23. Mann, T. *Volshebnaia gora: roman* [The Magic Mountain: a Novel]. Transl. from German by V. Stanevich, V. Kurelly. Moscow: AST Publ., 2019. 896 p. (In Russ.)
24. Mikhailovskiy, A.V. *Martin Khaidegger – filosof na lesnoi trope* [Martin Heidegger – Philosopher on the Forest Trail]. *Vestnik Samarskoi gumanitarnoi akademii. Seriia "Filiosofia. Filologiiia"* [Bulletin of the Samara Humanitarian Academy. The Series "Philosophy. Philology"]. 2009, No. 2 (6), pp. 112–121. (In Russ.)
25. Heidegger, M. *Proselok* [Country Road]. Heidegger, M. *Istok khudozhestvennogo tvoreniia: izbr. raboty raznykh let* [The Source of Artistic Creation: Selected Works from Different Years]. Transl. from German by A.V. Mikhailov. Moscow: Akademicheskii proekt Publ., 2008, pp. 391–394. (In Russ.)
26. Junger., E. *Ukhod v Les* [Going to the Forest]. Transl. from German by A. Klimentov, ed. by A.V. Mikhailovskiy. Moscow: Ad Marginem Publ., 2020. 148 p. (In Russ.)
27. Likhachev, D.S. *Poeziia sadov. K semantike sadovoparkovykh stilei. Sad kak tekst* [Poetry of Gardens. On the Semantics of Landscape Gardening Styles. Garden as a Text]. Ed. 3. Moscow: Soglasie: Novosti Publ., 1998. 356 p. (In Russ.)

Дата поступления материала в редакцию: 1 мая 2024 г.
 Статья поступила после рецензирования и доработки: 14 июля 2024 г.
 Статья принята к публикации: 15 августа 2024 г.
 Дата публикации: 31 октября 2024 г.

Received by Editor on May 1, 2024
 Revised on July 14, 2024
 Accepted on August 15, 2024
 Date of publication: October 31, 2024